

# ВОДА

17 июня 2017

## БУДЬ КАК ВОДА, ДРУГ!

Вода — начало всего. Так говорил Фалес, Брюс Ли превратил это в философию боя, Гераклит напомнил, что в одну и ту же реку дважды не войти, Лукреций писал о непрерывном превращении воды. Но вода — это и поле борьбы; может быть, самое древнее. Те, кто сидит за этим столом — гидрогеолог, активистка движения за право на воду, пионер экологического движения и три художницы — смотрят на воду с разных сторон, но все видят одно: мир, в котором вода больше не может течь свободно.

Одна активистка, рассказывая свой путь, говорит: «Я как вода». Жизнь, тянущаяся от ландшафтной архитектуры до кампании за право на воду. В начале пути — открытие ручьёв и источников Стамбула; в середине — понимание того, как городское планирование делает воду невидимой; в конце — участие в международном движении за водную справедливость. Когда в Стамбуле случаются перебои с водой, идея воды как права обретает плоть. В Боливии вспыхивают водные войны, в Южной Африке краны становятся предоплатными, в Ирландии люди выходят на улицы против счетов за воду. Это глобальная волна, но в Турции о ней говорят пока недостаточно.

Так рождается Кампания за право на воду. В начале путь идёт от требования признать воду основным правом человека. Признание воды правом человека на уровне ООН в 2010 году — это победа, но победа, оставшаяся на бумаге. Потому что в тот же период ускоряется превращение воды в товар, муниципальные водные системы приватизируются, индустрия бутилированной воды растёт в геометрической прогрессии. И в воздухе повисает вопрос:

«У воды есть право течь. Мы говорим о праве людей на воду, но не говорим о праве самой воды. Почему ручью нельзя течь свободно?»

Право на воду — это не только человеческое понятие; у самой воды тоже есть право. Течь свободно, находить свой путь, бродить под землёй, добираться до моря. Чем больше мы заточаем её в трубы, плотины, бутылки и каналы, тем больше закупориваем собственные жилы. Закрепление прав природы в конституции Боливии, понятие Пача Мама в Эквадоре — это сигналы из далёких широт, но они ищут ответ на тот же вопрос: можно ли владеть водой? В Италии референдум остановил приватизацию воды. В Греции, в Ирландии, повсюду люди возражают против превращения воды в товар. Но в Турции эта дискуссия ещё не разворачивается на достаточно широкой почве. Активизм за право на воду остаётся словно нишей внутри экологического движения; а ведь каждая капля, текущая из крана, политична.

## ДОЛИНЫ В ВОССТАНИИ

С побережья Чёрного моря поднимается голос. История борьбы против ГЭС в долинах Архави — это, по сути, история перевода. С одной стороны — язык активистов, приезжающих из Стамбула и Анкары: право, оценка воздействия на окружающую среду, судебные решения, измерения поперечного сечения, нормы экологического стока. С другой стороны — язык сельчан: ручей, рыба, фундук, чай, пчела, земля. Переводить между ними — пожалуй, самая трудная часть борьбы. Но этот перевод не односторонний; деревенские женщины тоже переводят своё знание, свои тела, свои голоса на язык активизма. И порой самый действенный перевод — это женщина, ложащаяся под бульдозер.

Когда чернобыльская радиация выпала на Чёрное море, целое поколение познакомилось с раком. Невидимый яд, осевший на чайных листьях, фундуке, в земле, годами позже вернулся в виде болезни. Но этот опыт научил и другому: вопрос окружающей среды проходит через тело. Разрушение, которое несёт ГЭС, похоже на метастаз. Не один орган — целая система рушится. Когда в ручей укладывают трубы, останавливается не только вода; уходит рыба, сохнет сад, убывает пчела, падает урожай фундука, молодёжь уезжает из деревни. И когда женщины ложатся под бульдозер, они ложатся не только за ручей, а за целый образ жизни.

Они надевают маски ястреба — это и символ сопротивления, и способ говорить от имени самой природы. Когда пришла компания MNG, Хавва Ана встала перед бульдозером. Они выучили право, выучили измерение поперечного сечения, заучили нормы экологического стока, ходили в суды. Это не было их жизненной целью; но борьба уносит человека туда, где он себя не ожидал. После третьей-четвёртой панели начинаешь думать: «Если меня не позвали, может быть, я пойду и расскажу это сама, когда не сможет приехать Огуз-ходжа». А что если в деревне, под чайными кустами, сделать что-то подобное?

«Тебе не обязательно быть жертвой чего-то, если речь идёт об экологии. Здесь важно, что жертва — глобальна. Нужно подчеркнуть, что у каждого есть право голоса в любом деле, и отвергнуть, не принимать обратное.»

И Джералтепе. На самой вершине долин, где идёт борьба против ГЭС — место, где планируется открыть цианидные пруды. Если запустится гигантская горная разработка диаметром в сорок километров, даже дискуссия о ГЭС покажется невинной. Потому что цианид распространится из точки выхода подземных вод. Как лекарство, введённое в вену, он пройдёт от пальца ноги до мозга. Будет ли течь вода в ручье или нет — она будет отравлена. Вся долина, весь бассейн, вся жизнь.

«А пока то, что мы спасаем, заканчивается. Поэтому я, может быть, очень тороплюсь.»

В последнее время уличное измерение борьбы становится тяжелее. Появляется одиночество. На Гези все тепло, бросаясь друг другу в объятия; были вещи естественные, спонтанные, рождённые совместно — лозунги, словечки, шутки, маленькие повседневные солидарности. То, что сделало Гези возможным, было именно этим: годами шедшие в одиночку движения — за права животных, за окружающую среду, за город — внезапно встретились. Сейчас та энергия словно рассеялась, внимание распыляется, появились другие атаки, серьёзное одиночество. Но разве, кружа и возвращаясь, мы снова не сходимся? Сами эти встречи — уже ответ: сесть, поговорить, выдохнуть, послушать друг друга.

## ПОД ЗЕМЛЁЙ, НАД ЗЕМЛЁЙ

Гидрогеолог рассказывает о Мардине, о равнине Кызылтепе. Там подземные воды быстро уходят. Каждый год скважины опускаются глубже, водный горизонт падает. Когда засуха сочетается с чрезмерным поливом, земледелие на равнине подходит к краю обрыва. В ответ крестьяне перекрывают торговые пути — в самой грубой форме это водный протест. Но за этим протестом стоит глубокое отчаяние: никто не знает, что делать, когда скважина высохнет.

«Если есть вода — есть жизнь. Нет воды — нет ничего.»

Теория общего достояния Остром обретает здесь плоть: вода — ни государства, ни рынка, она каждого. Но «каждого» не должно означать «ничего, за что никто не отвечает». Существуют модели самоуправления, в которых сообщества способны охранять, делить и поддерживать свои водные источники. Модели системной динамики показывают то же самое: когда вода уходит, первыми страдают самые хрупкие — мелкие земледельцы, животные, деревья. Затем кольца уязвимости расширяются. В конце концов, когда скважины пересыхают, все уравниваются — в жажде.

В городе же — совсем иная картина. Вы нажимаете на смыв, принимаете душ. Куда уходит эта вода? В очистные сооружения, в гигантские объекты, которыми частные компании управляют ради прибыли. Из каналов вытаскивают диваны, шины от грузовиков, холодильники. А в дождливые дни промышленные

зоны сбрасывают химические стоки без предварительной очистки. Потому что предочистка — это расход, а дождь — возможность ускользнуть от контроля. Мы едим рыбу из Босфора и не спрашиваем, в какой воде она плавала.

Но даже слово «устойчивость» ставится под сомнение. Что мы поддерживаем? Признание человека, прошедшего инженерное образование, показательно: «Нас учили: ты что-то делаешь — должен сразу быть результат. Но жизнь не настолько чётка. Нужно и не мыслить коротко, и вместо того чтобы говорить „вот это произойдёт в итоге“, сказать: мы вышли на путь, мы что-то делаем».

«Вода потечёт, найдёт свой путь. Не нужно нам идти слишком быстро, я думаю.»

И когда мы говорим «местное», нам всегда приходит на ум сельское, но и наше местное — здесь, в этом городе. У Стамбула структура, выходящая за рамки городской географии. Что можно делать здесь? Чтобы жители этого места лучше узнавали то, что за его пределами, чтобы те, кто снаружи, приходили сюда, чтобы знание текло в обе стороны. Визуальный язык на всём протяжении истории был сильнее письменного и устного. Как соединить искусство, образность, творческий язык с социальными движениями, как расширить эту встречу — об этом стоит говорить вместе, питать друг друга, делиться примерами, которых здесь, возможно, никогда и не было.

## НЕТ ДЕНЕГ — НЕТ ВОДЫ

Когда мы начали покупать воду? В 1980-е, заходя в лавку и говоря «я очень хочу пить», вы получали стакан воды. Бесплатно. Эта же вода сейчас — коммерческий товар, внутри ПЭТ-бутылки, за брендом. Это превращение шло так медленно, что мы его и не заметили. Так же как медная посуда уступила место тефлоновой сковороде; так же как имедже — коллективная сельская взаимопомощь — уступила место индивидуальному потреблению. Удобство было предложено, цену не спрашивали.

Одна художница пытается развернуть это превращение вспять. Чтобы заменить деревья, срубленные ради застройки Стамбула, она на свои деньги покупает и сажает деревья. Но главная её тема — задушенные воды Стамбула. Реки, закатанные в бетон, превращённые в коллекторы. В этом городе известно около восьмидесяти ручьёв, и ни по одному из них не было сделано общей работы. Откуда они начинаются, где заканчиваются, какие ещё текут, какие давно умерли. На старых картах Стамбула видны водные пути; на новых нет и следа. Вывести на поверхность подземный ручей — кто это сделает?

«Эти трубы, эти коллекторы, что текут вместо них — на их месте могла бы течь жизнь. Мы своим выбором превратили их внутри этой мусорной цивилизации в маршруты мусора.»

Другая художница ставит на берегу Курбагалыдере инсталляцию под названием «Maruz» («Подверженность»). Ручей уже не течёт, он смердит. Она хочет, чтобы люди оказались подвержены этому запаху, этому виду. Вода держит нам зеркало; глядя в неё, мы видим себя, но видеть не хотим. А третья художница говорит: в природе кино присутствует вода. То, что первые кинематографисты хотели снимать, всегда было водой — течением, безвременьем, движением. «Безвременье воды и её текучесть, и кино тоже немного такое — эти вещи связаны». Зритель находит своё время внутри этого течения. И, может быть, кино тоже как вода: течёт, превращается, исчезает, но оставляет след.

Нужно идти через конкретное. Когда есть что-то конкретное, люди начинают подходить со словами «а, да, возможно». Восемьдесят ручьёв Стамбула — это может быть конкретным проектом. Откуда они начинаются, где заканчиваются, какие ещё живы? Есть старые карты, есть водные карты; у кого-то — коллекционера — на руках исторические карты. Каждый из этих ручьёв будет нам зеркалом: глядя, мы увидим воду, а в воде — себя.

## ФАКТ, ПОНЯТИЕ И ТУЛУМ

Самый неожиданный момент этого разговора, может быть, наступает, когда заходит речь о сыроделии. Кто-то рассказывает о сыре в тулуме: «Сначала отцеживаем сыр через марлю. Потом запрессовываем его в козий мех — туда, сколько влезет. Потом закапываем в землю. Через три месяца получается превосходный сыр». Это метафора: если академик не подождёт достаточно долго, чтобы интерпретировать факт, он впадёт в зависимость от услышанного. Именно поэтому нужно запрессовать факт внутрь понятия, закопать в землю, ждать его созревания. Быть «не оттуда», но всё же отправиться в место, определять свою жизнь иной практикой — искусством, академией, активизмом — и пытаться выстроить отношения оттуда; «это было то, над чем мы ломали голову и из чего никак не могли выбраться. Поэтому сыр, факт, понятие и тулум сошлись для нас вместе».

Знание в деревнях спрятано в природе и стоит на грани исчезновения. Делать ожерелье из верёвок, выходящих из корня растения эрати. Из черешков диких клубник — корневая часть жёсткая, ближе к стеблю мягкая — нанизывать ягоды и надевать себе на шею. Час наблюдать за паучьим гнездом, увидеть, как детёныши съедают мать, и превратить это в передающуюся из поколения в поколение поговорку: «Надо забрать паука, эти дети меня съедят». Это не вещи, которым научишься из документального фильма, это знание, полученное через жизнь. Там — четырёхтысячелетняя культура. Хемшинли, лазы, люди, говорящие на ромейке. У каждого свои отношения с водой, с землёй, с растениями, но все они кормятся от одного корня: жить внутри природы, производить вместе с ней, учиться у неё.

Так как же нести это знание? С одной стороны — идея «привозить»: художников, музыкантов, театральных деятелей в деревни, устраивать экофестивали. Но с другой стороны, вместо «привозить» вернее «производить вместе». Приезжающий художник едет не дарить там что-то, а узнавать тамошний опыт, работать с ним. Увидеть деревенскую мельницу, поучаствовать в имедже сбора фундука, послушать вечером тюрку — это не туристические переживания, это почва для совместного производства. Беречь тропу, чинить мельницу. У людей, выстраивающих связь с этой географией, уже есть сильные побуждения. Дело в том, чтобы вывести эти отношения из односторонности. Там уже есть люди, которые поставили деревенский дом, всё выращивают сами, живут вообще без покупок. У них есть чему поучиться. «Мы туда поедem, проживём то, о чём я рассказываю. В краткосрочной перспективе мы ничего ожидать не будем».

Но в Турции процесс унижения сельского человека длится так долго, что люди отчуждены от собственного знания. Сельские вещи превратились в то, чего стыдятся. Зелень, земля, медная кастрюля, имедже — всё это сочли знаками «отставания». Сейчас происходит интересный поворот: то, что вытеснили из города, начинает интересовать всех.

Прикасаться к земле, выращивать свою еду, жить с природными материалами. Но пока — как ностальгия, как знание; не как сама практика. Вещи, выданные из города, теперь все называют «очень интересными». Но интересными как знание, а на практике — далёкими.

Пробовали пройти вдоль ручья и собирать мусор — в сельской мечети сделали объявление, организовали мероприятие, дети присоединились, вышел маленький грузовик мусора. Но когда поехали на следующий год, ситуация та же. Сделали дважды, в третий раз никто не пришёл. Потому что в деревне уже нет яиц, их везут из города. Каждые пятнадцать минут проезжает машина, едет арбузник, едет фруктовщик, супермаркеты доезжают и до деревни. Глобальный капитализм находит вас даже на вершине горы. В детстве не было такой вещи, как мусор; всё превращалось, использовалось, сжигалось, обращалось в удобрение. Теперь всё приходит готовое, в пластиковой упаковке. И этот пластик уходит в ручей.

«Тамошние люди уже наблюдали за развитием природы и делали из этого выводы. Из них рождалось слово. Можете себе представить? Таких вещей, которые я записал, столько, что я их собираю.»

## ПРИНАДЛЕЖАТЬ

Жить в трёх больших городах и не чувствовать принадлежности ни одному. Измир, Анкара, Стамбул — в каждом свои практики, но ни с одним не возникает той связи принадлежности. Когда обрывается связь с водой, исчезает и мотивация её охранять. Но в деревне, на земле, где ты родился, вода прямо определяет жизнь. Это напряжение не разрешается, но получает имя: принадлежность. «Я крошечный человек, здесь больше двадцати миллионов. Я не смогу. Но в деревне есть ещё не загрязнённое место, которое ещё можно сохранить. И там это насущнее; напрямую затрагивает жизнь тех людей».

Голос, присоединяющийся из Лондона, приносит другую перспективу. Там живут вместе с мухами, с паучьими сетями, с насекомыми. В саду даже не делают массовых обработок; не хотят разрушать среду обитания живых существ. Если не сортируешь мусор — мусор у тебя не заберут. Берега реки принадлежат обществу; парки, спортивные площадки. «По идее, как современность они должны быть впереди, но я живу там жизнью, которая ближе к моей жизни в Эрзинджане». Чем больше мы очищаемся, тем больше пачкаемся и пачкаем. Там в доме четыре разных мусорных ведра; если не сортируешь, мусор не заберут. Санкции и просвещение идут рука об руку. Здесь же кампании по повышению осведомлённости остаются висеть в воздухе, контроля нет.

Большие города поневоле становятся образцами для подражания. Во всех сериалах, фильмах, повсюду показывается городской образ жизни. И когда горожанин выбрасывает мусор в ручей, сельчанин делает то же самое — думая «вода унесёт». Но у нашего мусора стало уже так много, что и у воды есть своя ёмкость. Из очистных сооружений вытаскивают кровати, крышки от унитазов, сами унитазы. У муниципалитетов огромная сила формирования политики; работать вместе с ними — это необходимость.

«Это метастазы. Где сама болезнь — туда и надо нам сосредоточиться. Не важно, где мы.»

И, может быть, корневая метафора birbuçuk — имбирь — здесь обретает смысл. Встречи, в которых нет принудительной необходимости держаться вместе, переменчивые, не нагружающие друг друга, но выходящие из одного корня. Эти разговоры как главный корень; ответвляющиеся от них проекты, панели, публикации, встречи — словно маленькие корешки имбиря, найдут свои пути. Так же как вода находит свой путь. Важно встретиться, познакомиться и подышать вместе. Вместо того чтобы ожидать немедленного результата, доверять процессу. Не мыслить коротко. Мы вышли на путь — может быть, садясь за еду, может быть, переписываясь, может быть, говоря снова, может быть, собираясь в Стамбуле, может быть, на Чёрном море, может быть, в Мардине. Взаимное знание и обмен опытом; и в искусстве в частности, и в целом. Может быть, мы даже наносим вред, когда едем туда; нужно немного посмотреть и с той стороны. Но и без того, чтобы туда поехать, то, что тамошние люди скажут «смотри, приезжают люди, посмотрите, как им любопытно, какая, оказывается, ценная вещь» —

тоже шаг.

Вода потечёт, найдёт свой путь. Но и мы дадим ей течь.